

Женщина на кресте

Автор:

[Анна Мар](#)

Женщина на кресте

Анна Мар

«Генрих Шемиот написал коротенькое письмо управляющему в имение. Он извещал, что приедет через неделю с сыном и Кларой. Особых приготовлений не нужно, лишь бы дом был опрятен.

Шемиот открыл блокнот и увидел крупные слова синим карандашом – Алина Рущиц. Эту надпись он сделал вчера, упорно думая о девушке, с которой познакомился в доме инженера Оскерко.

Мысли его вернулись к ней. Сколько лет Алине? Не менее двадцати шести, двадцати семи. У нее обольстительная фигура, длинные пепельные волосы, нежные красноречивые руки. Ее большие глаза можно сравнить и с лиловыми вьюнками, и с пармскими фиалками, и с маленькими озерами. Но, по всей вероятности, у нее самая красивая часть тела та, которую обнажают для наказания розгами...»

Анна Мар

Женщина на кресте

Первая глава

Генрих Шемиот написал коротенькое письмо управляющему в имение. Он извещал, что приедет через неделю с сыном и Кларой. Особых приготовлений не нужно, лишь бы дом был опрятен.

Шемиот открыл блокнот и увидел крупные слова синим карандашом – Алина Рущиц. Эту надпись он сделал вчера, упорно думая о девушке, с которой познакомился в доме инженера Оскерко.

Мысли его вернулись к ней. Сколько лет Алине? Не менее двадцати шести, двадцати семи. У нее обольстительная фигура, длинные пепельные волосы, нежные красноречивые руки. Ее большие глаза можно сравнить и с лиловыми вьюнками, и с пармскими фиалками, и с маленькими озерами. Но, по всей вероятности, у нее самая красивая часть тела та, которую обнажают для наказания розгами.

Опытна ли она в любви? А если опытна, то насколько? И кто ее учитель? Почему она не выходит замуж? О ней ничего не говорят в городе.

Шемиот позвонил, машинально отдал письмо лакею и продолжал думать. Конечно, он ни и чем не уверен... ему пятьдесят два года... однако, когда он приближается к Алине, она опускает глаза, то бледнеет, то краснеет, смеется и отвечает невпопад. Есть нечто в Алине, чего он не знает, но предчувствует и хочет проверить. Тем хуже для Алины. Последнее время он пришел к выводу, что, возникая на пути женщины, он становится ее «печальным событием». В этом он, Шемиот, не повинен. Жестокость внушает ему отвращение, вид крови заставляет бледнеть. Но вот он встречает женщину типа Алины или Клары. Мгновенно в нем зарождается беспокойная и странная жажда ее слез, тоски, стыда, боли. Он унижает ее всячески и не испытывает никакого раскаяния.

Он попробовал углубиться в английскую экономическую статью. Ему не удалось. Бросая книгу, он решил пойти к Алине. Завтра? Нет, сегодня... сейчас. Рассеянно он взглянул на фотографию своей покойной жены. В белом муслиновом платье, с цветами на груди, она улыбалась невинно, как святая. Он рассматривал ее с минуту равнодушно. Долгое время он культивировал в себе печаль о ней. В конце концов, она утомила и наполнила его враждебностью к мертвой.

Потом он перевел глаза на миниатюрный портрет сына.

«Юлий заносчив и тщеславен, но он добр».

В дверь постучались.

Клара принесла письма, счета, деньги. Просмотрев их, Шемиот нахмурился.

– Вы не экономны.

Очень бледная, она села.

– Я совершенно больна.

– Почему же вы не лечитесь?

– Это не поможет. Я умру. И вы будете счастливы.

– Хорошо, Клара. А теперь я ухожу.

– К Алине Рушиц?

Он изумленно поглядел на Клару. Интуиция женщин всегда поражала его. Неужели Клара знает то, в чем он боится признаться самому себе?

– Да... я иду к Алине Рушиц.

– Вы заинтересованы ею?

– Возможно.

– Настолько, чтобы даже жениться?

– Это вас не касается.

– Должна я уехать из вашего дома?

– Как хотите. Только не вздумайте тогда рассказывать, что я вас выгнал.

Дом Алины Рущиц был двухэтажный, серого цвета, с колоннами и железной решеткой. Решетку оплел дикий виноград, а по стеклу круглой веранды струился поток цветущих бегоний. Сад квадратной формы занимал значительную площадь. Правая сторона ушла под абрикосы, сливы, вишни, яблони; на левой росли акации, кусты шиповника, сирени, жасмина и бесчисленное количество роз. Аллея из молодых, подрезанных туй одним концом упиралась в дом, а другим – в группу старых каштанов. Там стояла каменная скамья и каменный круглый стол. Немного дальше шла стена соседнего сада, в щелях которой вили гнезда воробьи и летучие мыши. Края ее посыпали толченым стеклом и утыкали гвоздями острием вверх.

Алина не спеша гуляла по саду. Она исколола руки, срезая розы, и слегка запачкала землю белое платье. Иногда ее сердце сжималось.

Она думала:

«...Я влюбилась... неожиданно, и без памяти... и навсегда... почему?... я не знаю... Ко мне подводят мужчину, мне говорят, что его зовут Генрих Шемиот, я подаю ему руку, я чувствую, как по всему моему телу бежит трепет и... я погибла. Я больше не принадлежу себе самой. Мгновенно он отнимает у меня последнюю каплю ума, гордости, воли и целомудрия. Люблю, люблю, тысячу раз люблю... назло всему миру люблю. Мои нервы расходились. Сегодня я видела странный сон. Я – монахиня, и я на коленях перед настоятельницей... (Такой настоятельницы я не встречала в жизни, и в монастыре я тоже никогда не была...) Эта женщина прекрасна и горда. Она велит бичевать меня перед всеми сестрами. Я прошу прощения, я целую ее руки – она непреклонна. Тысяча глаз смотрит на меня, тысяча ртов насмешливо улыбается. Рыдающую, меня раскладывают и секут. Душа и тело мое содрогаются, я просыпаюсь в холодном поту и вспоминаю, что подобную историю мне рассказывал Шемиот... Это была средневековая монахиня. Когда ее наказывали, она кричала пламенные слова, как влюбленная... А я завидую ей... я так нуждаюсь в наказании... я чувствую себя здоровой, сытой, грубой».

Она ходила взад и вперед по аллее, находя новые белые вьюнки, неожиданно распутившиеся среди подрезанных туй. Ее терзали сомнения. Нравится ли она ему? Что он думает о ней? Сознаться ему в любви или затаить чувство? Почему некоторые слова – наказание, розги, вина – так страшно произнести вслух?...

Они обжигают губы. Они волнуют, как действия, В книгах любовь или груба или преувеличенно возвышенна. Ей она кажется приятной, как холодное шампанское. Главная ее суть, конечно, не в поцелуях, а в том, что мужчина может позволить себе тогда всякую жестокость с женщиной, и женщина радостно примет боль, унижение и рабство.

С востока плыла туча, похожая на кленовый лист. Но распахнутые окна второго этажа еще сияли под солнцем. Японские вазы с чудовищными букетами лилий красовались на подоконниках. Неожиданно среди них, в темном квадрате, она увидела Генриха Шемиота. Он стоял без шляпы и улыбался.

- Вы... вы... Боже мой, - закричала Алина в детском восторге.

Его пышные, рыжевато-золотистые волосы вились около ушей, открывая сияющий, прекрасный лоб. Крупные черты бритого лица - нос, губы, подбородок - были резко чувственны, а продолговатые черные глаза полны иронии. Однако тонкая прелесть улыбки и певучесть голоса смягчали и чувственность, и иронию, и некоторую общую жестокость. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, его руки и ноги были изящны.

- Меня обманула ваша служанка, - крикнул он, высовываясь, - она сказала, что вы у себя в кабинете.

- Войцехова все перепутает.

Алина живо поднялась к нему.

- Как я вам рада... вы вовремя... сейчас будет гроза...

- Я тоже рад вас видеть.

После сада в кабинете стиля ампир казалось прохладно и сумрачно.

Мебель красного дерева с тускло-сверкающей бронзой была обита зеленым штофом чуть светлее обоев, портьер, ковра. На круглых мраморных досках, которые несли грифоны, лежали тяжелые альбомы, переплетенные и в кожу, и в серебро. Одну из стен занимали полки с книгами, задернутые легкими

шелковыми занавесками, тоже зелеными, усыпанными золотыми лавровыми веночками. Овальное зеркало над камином отражало люстру, лепной потолок, часть двери, ведущей в спальню Алины. Здесь висел большой портрет императора Наполеона I в коронационном костюме. Орел украшал массивную раму, держа в когтях дощечку с надписью: «Бессмертен на небе и на земле». Можно было также найти герцога Рейхштадтского, Жозефину, Полину Боргезе, князя Понятовского, Валевскую среди бесчисленных драгоценных акварелей и миниатюр.

Узкие серебряные бокалы стояли наполненные розами, а плоские хрустальные вазы – фиалками, любимыми цветами Первой Империи.

Шемиот с удовольствием оглядел знакомые предметы и уселся.

– Я пришел каяться перед вами, Алина...

– Вы?

– Да, я. Я наводил о вас справки. Не сердитесь. Я чересчур поглощен вами.

– И что же вы узнали?

– Ничего.

– Ага... вы наказаны. Они посмеялись.

Потом она рассказала ему о своем детстве и юности, рассказала спокойно и просто.

– Моя мать, урожденная графиня Гед. Почему она не вышла замуж – я не знаю. Однажды она поехала в Рим и вернулась оттуда уже со мною. Говорят, мой отец – итальянский патер. С тех пор она жила безвыездно в своем родовом имении. Она была высока, худа, смугла. Презирала людей и ненавидела животных. Я не помню, чтобы она взяла меня на колени или дала мне конфетку. Если неожиданно она замечала меня, ее взгляд становился тусклым. «Вы здесь, Алина? – спрашивала она. – Кто пустил вас ко мне?». Она учила меня читать по большой книге без картинок. В окно я видела парк. Вода чернела в круглом

бассейне. Над ним часто летали голуби и садились на каменную балюстраду. Осенью листья лежали там грудками, как снег, и это рождало грусть.

- Ну, Бог с нею, Алина... лучше рассказывайте дальше.

Она засмеялась его нетерпению, восхищенная и польщенная.

Тучи затянули небо. Молния вспыхивала ежеминутно, а удары грома следовали после больших пауз. Старая Войцехова закрывала торопливо окна. Почти сейчас же потоки дождя обрушились на сад и дом. Поднялся бешеный ветер.

Шемиот, глядя на Алину, улыбался. То, что он угадывал в ней, становилось для него все более и более ясным.

Она продолжала.

В доме ее матери было восемнадцать комнат, и все красиво убраны. Бронза, фарфор, драгоценные ковры и картины, старинные кружева и бриллианты, редчайшая библиотека и сувениры царственных лиц – все это перешло от целого ряда предков, В 1807 году маршал Дюрок со своим штабом останавливался здесь.

Лучшее воспоминание Алины – библиотека. Ежедневно она пробиралась туда и читала все без затруднения, ибо ни один шкаф не запирался. Когда Алине исполнилось десять лет, мать написала кому-то в Англию. Мисс Уиттон приехала немедленно. Она не побоялась суровой зимы и тишины имения. Это была стройная, золотоволосая женщина, красивая и веселая. Она носила исключительно белые платья, белую обувь, белые кораллы на шее и душилась гелиотропом. Мисс Уиттон выбрала самую отдаленную комнату на верхнем этаже. Обои там были светлые, с золотой полоской, мебель и ковер цвета сливок. На мраморном камине она поставила желтые ассирийские вазы, подарок матери Алины. Мисс Уиттон звала сюда свою воспитанницу, если бывала нездорова. Это случилось также тогда.

Алина опустила глаза, смешавшись.

Шемиот спросил ее ласково:

– Она наказывала вас, вероятно?...

Лицо Алины запылало. Она кивнула головой, кусая губы.

– Как?...

– О... не мучьте меня... Почему вы спрашиваете?

– Это касается вас...

Алина перевела дух и овладела собой.

– Я не знала, как приятно говорить об этом с Шемиотом, – думала она.

– Она обворожительно краснеет. Я волнуюсь. Я буду жесток с нею впоследствии
– думал он.

Вслух Алина говорила:

– Не вините мисс Уиттон. Я была несносным ребенком, упрямым, живым, дерзким. Я уносила и прятала то деньги, то браслет моей матери, их искал весь дом, а я воображала себя сыщиком и находила «пропавшие вещи». Я всегда скучала и жаждала приключений. Поэтому я писала любовные письма нашему управляющему (Не понимаю, откуда только бралось такое множество страстных слов). Вызвала его на свидание, потом пожаловалась мисс Уиттон, и беднягу выгнали. Можно смело сказать, что влечение к греху было во мне огромно. Однажды я обрезала себе волосы и клялась, что это сделала мне Виктория-Юзефа, маленькая грустная девочка с белокурыми локонами, гостившая у нас летом. В наказание Викторию-Юзефу засадили учить английский урок, а я гуляла в парке... посмеиваясь... Сознание вины удручало меня до отчаяния.

Я любила слушать выговоры, и когда мисс Уиттон секла меня, я просила прощения с увлечением.

Алина вздохнула, смущенная пристальным и несколько тяжелым взглядом Шемиота.

Ее голос был полон грусти, когда она рассказала о своем первом причастии, об уроках катехизиса у доброго, старого ксендза-каноника. К нему она ездила вместе с мисс Уиттон по дороге, обсаженной тополями, на высоком доггарте. Иногда лошадь несла, влажные комья летели во все стороны, Алина вскрикивала, а мисс Уиттон громко смеялась. Лицо англичанки становилось розовым, смелым, счастливым, Она жадно пила воздух.

Потом внезапно умерла мисс Уиттон. Ее похоронили в имении за оградой, как раз в начале той дороги, по которой они скакали на уроки катехизиса. Алина и Виктория-Юзефа горько плакали. Мать Алины смотрела из окна кареты на печальную процессию. Глубокую яму сейчас же залила мутная вода. Был холодный, дождливый октябрьский день.

Через год умерла нежная, грустная Виктория-Юзефа. А еще через два года умерла мать Алины, вышивая лилии на голубом шелку.

Старичок-каноник и какой-то важный хмурый господин долго говорили с Алиной. Ей уже исполнилось шестнадцать лет, и она почти взрослая. Она узнала, что она – внебрачный ребенок и должна сейчас же уехать из имения, которое переходило к наследникам. Алина была уничтожена, ошеломлена, унижена.

В последний вечер она долго прощалась с парком. Каждому кусту, каждой аллее, обнаженным статуям, воздушным беседкам, темной воде, в которой отражались облака, она кричала в отчаянии «прощай». И они отвечали тяжелыми вздохами, легким журчанием воды, слабым треском ветвей «прощай».

Алина уехала на юг, обеспеченная крупным состоянием, увозя то, что ей разрешили увезти: часть библиотеки, часть мебели, бриллианты, не родовые, а благоприобретенные, некоторые сундуки с бельем, туалетами. Она плакала до того безутешно, что ксендз-каноник напомнил ей о грехе отчаяния. Он жалел свою лучшую ученицу, всегда кроткую, послушную, очень набожную и без тени самомнения. Долгое время она посылала ему сентиментальные письма, вкладывая туда то лепестки роз, то веточку кипариса. На юге ее ждало утешение – здесь она познакомилась и подружилась с Христиной Оскерко. Ей казалось, что Христина заменит Викторию-Юзефу. Она более не ощущала одиночества. И она совсем забыла прошлое, когда по ее настоянию брат Христины инженер Витольд Оскерко купил ей этот дом с садом, и она очутилась в нем, свободная и независимая.

Минуту Алина слушала дождь.

Потом спросила робко Шемиота:

– А вы ничего не расскажете мне о себе?

– Ничего, ибо моя жизнь проста, дорогая. Вы хотите подробностей? Их почти нет. Я долго учился, упорно создавал себе положение, овдовел... Теперь я одинок. Когда я начинаю скучать, я уезжаю в имение и зарываюсь в книги. Вот и все.

Мало-помалу буря стихла. Тучи поспешно уплывали к горизонту. Солнце сверкало в лужах и брызгах. Алина раскрыла окно. Шорох капель стоял в саду. Оттуда тянуло ароматной свежестью.

Шемиот откланялся, говоря:

– Я жду вас к себе, Алина. В любой день...

До самого вечера Алина была взволнована. Потом она почувствовала непреодолимое желание лечь и мечтать.

Она удалилась в спальню – большую комнату, оклеенную голубыми гладкими обоями, с мебелью красного дерева стиля ампир, обитой бледно-голубым штофом.

Перед туалетом Алина снимала кольца, серьги и клала их в золотую чашечку.

Туалет был ее гордостью. Массивная зеркальная доска, положенная на дуги красного дерева, украшенная бронзовыми маленькими сиренами. Круглое зеркало в оправе из бронзовых нэнюфаров укреплено между двумя тонкими колоннами и может изменять положение. Но самое обворожительное – это Лорелеи на колоннах, поющие таинственные песни и смотрящиеся в зеркальную доску как в озеро. Алина распустила свои волосы, белокурые с серебристым оттенком, долго причесывала их, заплетала, душила. Раздевшись, она отправилась в ванную. Однако вода, опаловая от соснового экстракта, не укрепила и не освежила Алину.

Когда Войцехова явилась пожелать барышне покойной ночи, она застала барышню рыдающей. Войцехова давно служила у Алины. Она могла позволить себе и неблагоприятную выходку. Увидев слезы Алины, она зло усмехнулась.

Ее лицо, белое от подкожного жира, с мертвыми, выцветшими глазами и лживым, извилистым ртом ханжи, слегка оживилось.

– Люди говорят, что...

Это был целый обвинительный акт против Шемиота.

Алина рассердилась и прикрикнула на Войцехову. Та ушла, разобиженная. Упаси Боже, если она скажет еще одно слово... Барышня летит, как бабочка на огонь.

Теперь Алина очутилась в широкой, красного дерева кровати, с бронзовыми медальонами, с шелковыми занавесками лунного цвета. От одеяла, простынь, подушек шел нежный, стойкий запах амбры и розы. Где-то вверху была спрятана голубая электрическая лампочка, и когда Алина зажигала ее, вся кровать изнутри светилась, подобно гигантскому фонарю.

Алина тяжело вздохнула. Сердце ее сжималось, как утром, и ей было жарко. Что такое говорит Войцехова? Шемиот зол, скуп, деспотичен, он вогнал в чухотку свою первую жену, а Клару обобрал до нитки... Кроме того, у него были еще другие любовницы... Ах, какое ей дело до прошлого Шемиота? Прошлое не принадлежит никому... Его сына она толком не заметила. Когда она была там последний раз, Юлий уничтожил при ней коробку шоколада... в двенадцать часов дня... Вот что значит мужское воспитание... Клара делает вид, что не замечает Алины. Бедная Клара! Серые волосы, плоская грудь, чересчур широкие бедра и эти печальные, печальные, как у животного, глаза... Бедная Клара!.. Она, вероятно, много плакала на своем веку. Но теперь она не должна плакать, ибо это бесполезно. Виноват ли перед Кларой Шемиот? Относительно.

Голова Алины туманилась... Она меняла позы, почти задыхаясь. Что еще говорит Войцехова? Якобы Шемиот стар и безобразен. Сушая ересь. Генрих (как сладко называть его по имени), может стать идеалом каждой женщины. Когда он смотрит так внимательно и нежно... Не введи нас во искушение!.. (Алина натянула одеяло, защищая грудь от воображаемых поцелуев Шемиота... Иисус-Мария, до этого у них дойдет еще нескоро.)

Алина легла ничком. Соблазнительные картины мучили ее наяву, и она уже не боролась с ними.

Огромный фантастический сад, всеми забытый, подобно Параду Золя, где можно встретить пенящийся ручей, гигантские цветы, каменные ступени, поросшие травой и мхом. Солнце, ленивая тишина, густые ароматы. Зрелые плоды изредка падают на землю. Вьются черные и синие махаоны, звенят стеклянные стрекозы. Алина гуляет здесь вместе с Шемиотом. Конечно, она бросится сейчас перед ним на колени и скажет ему нечто безумное... Ах, как девственность тяготит ее. «Распустите мои полосы, Генрих, нагнитесь и возьмите мой поцелуй, глубокий и медленный... ни и чем, ни в чем я не откажу вам... нежное любопытство ваших глаз, уст, рук будет насыщено... Сжальтесь надо мною, Генрих, сжальтесь надо мною, ибо я люблю вас!» Генрих ломает ветки, но голос его вовсе не строг, а певуч и томен. Потом он бросает Алину на траву, мнет кружево ее юбок, и среди вздохов травы, деревьев, при знойном солнце, при мелодии птиц и стрекоз, сечет ее жестоко...

Алина сбросила одеяло, зажгла электричество, отдернула занавески кровати, отыскала ночном столике флакон одеколона и освежила себе виски.

Она успокоилась и размышляла с горечью и раскаянием – Шемиот считает ее невинной и чистой, а она, подобно Феннимор Иенсена, – «мешок, полный гнили». Если она когда-нибудь заслужит любовь Шемиота, ей придется измениться. Он должен будет исправить ее, как бы сотворить заново...

– С тех пор, как я влюбилась, я окончательно погибла. Я – распутна и груба. Я совершенно забросила свои религиозные обязанности. Ксендз Казинас, вероятно, удивляется, с какой аккуратностью я пропускаю воскресные мессы... Я даже не знаю, смогу ли я сделать испытание совести так же быстро, как раньше.

И ее мысли направились на монастырь. Вот куда, по-настоящему, она должна была бы уйти и каяться. Она мечтала о нем, ужасаясь, трепеща и вместе с тем наслаждаясь своим страхом.

Монашеский подвиг удручал ее душу. Он был так же печален, как и труден. Женщина оторвана от жизни, обречена на бездетность и аскетизм, брошена на отвлеченность, где ей часто пусто и холодно и не на что опереться. В конце концов, не всех влечет Сиенская и не всем понятен язык Терезы. В монастыре

женщина не принадлежит себе. Это еще полбеда, но она не принадлежит никому в отдельности – это уже несчастье.

Алина вернулась к своему сну и рассказу Шемиота.

Неужели же в монастыре наказывают? Тайно ей хотелось, чтобы это было именно так.

Какой восторг броситься на колени перед суровой аббатисой и повторить ей слова несчастной Лавальер: «О мать моя, я отдаю вам свою свободу, ибо я ею дурно пользовалась».

И уже засыпая, она представляла себе, как она была бы кротка, послушна, усердна и как бы ее секли перед настоятельницей раз в неделю.

Вторая глава

Это был четверг, приемный день инженера Оскерко. Как всегда, Христина сидела в дубовой столовой стиля Ренессанс, где время от времени выкрикивали два зеленых попугайчика, и, не торопясь, разливала чай гостям.

В раскрытое венецианское окно виднелась чудесная панорама города с его садами, башенками, куполами, двумя готическими шпилями костела, круглыми площадями, центральными шлеями, вплоть до полосы моря на горизонте.

Сейчас небо, крыши, стены, стекла, дымка над городом были пронизаны теплым, розовым светом вечернего солнца. Иные группы деревьев казались черными, другие – темно-лиловыми, третьи – серебристыми, почти белыми, и, наконец, вдалеке они были определенно пурпурного цвета. Христина налила последнюю чашечку чая, поставила ее на поднос горничной и устало откинулась в кресле.

Глаза у нее были темно-карие, лицо очень бледно, волосы совершенно коричневые, плотные, как парик, губы яркие и тонкие, а вся фигура гибкая, высокая и сухая. На левую щеку она приклеивала мушку. Ее платье было кофейного цвета с низко вырезанным, бледно-голубым муаровым жилетом. Она

засунула между двумя его пуговицами золотой лорнет на длинной цепочке, которым никогда не пользовалась. Несколько раз Христина спрашивала горничную:

- Вы звонили по телефону барышне Рущиц?

И при ответе. «Барышни нет дома», - она ежилась.

Среди общего гула (собралось человек тридцать гостей) попугайчики надрывали свои горлышки. Дамы поели торты и сласти, расхваливая позднюю весну, которая всех задержала в городе. Мужчины столпились вокруг «неподражаемой» Мисси Потоцкой. Ее чудовищное белое эспри, круглое и дрожащее, напоминало дароносицу, а синее платье с золотыми пачками и зеленым поясом баядерки - наряд павлина.

Мисси Потоцкая была дочерью разорившихся родителей. По слухам, она усердно ловила женихов. Громче других смеялся ее остроумам сам хозяин дома, инженер Витольд Оскерко, розовый, полный, бритый блондин, слегка косящий на левый глаз.

В столовую входили Генрих Шемиот с сыном Юлием и доктор Мирский, известный психиатр, владелец лечебницы.

Всех их встретил благожелательный, уважительный шепот.

Шемиот-отец церемонно поцеловал руку Христины. Она быстро и враждебно посмотрела на него. Сейчас же он отошел к Мисси Потоцкой.

Доктор Мирский шепнул Христине по-приятельски:

- Сегодня я видел вашего мальчика... Ах, это исключительный ребенок.

Она сухо и неопределенно улыбнулась.

Юлий Шемиот - высокий юноша с белокурыми полосами и глазами, напоминавшими светлые аметисты, оставался возле Христины.

Он положил на ее носовой платок кожаный футлярчик.

- Что это, друг мой?

- Маленький сувенир... вчера был день вашего рождения.

- Я его не праздновала.

Однако Христина раскрыла коробочку и нашла там кольцо редкой работы с великолепным опалом.

- Опалы приносят несчастье.

Она приложила кольцо к своему голубому жилету и надела без слов благодарности.

Юлий бормотал, пожирая ее глазами:

- Дорогой мамочке моей миленькой, которая наполнила мое сердце радостью. Ангелочку, бессмертному кумиру с пожеланиями долгих лет жизни!

Солнце село. Небо начало темнеть, из голубого переливаться в черное, но на горизонте еще горела оранжево-красная полоса среди золота. Ничего более не сверкало. Готические шпили костела и весь он казались сделанными из Черного мрамора. В черное окрасились и деревья, и главная аллея, по которой медленно катились экипажи, увозя нарядных женщин в казино. Наступала ночь, мягкая, влажная, пропитанная запахом акаций.

Мисси Потоцкая простилась, торопясь куда-то. За нею исчез Витольд. Многие из гостей тоже уходили.

- Вам дурно? - спросил Юлий, удивляясь бледности и беспокойству Христины.

Но она не слышала, пристально глядя на дверь столовой. Алина Рущиц входила быстро, чуть-чуть запыхавшись. С полей ее большой шляпы мягко спускались перья райской птицы. На ней был шелковый, очень простой костюм и букет фиалок между складок корсажа.

– Ах, гадкая, – прошептала Христина, жадно целуя подругу, – что ты со мной делаешь?

Но Алина сияющими глазами смотрела на Шемиота-отца.

Издали сдержанно и учтиво он поклонился ей. Немного разочарованная, она села около Христины, принимая в чашке японского фарфора чай и дружелюбно улыбаясь Юлию.

Небрежные фразы мешались с мыслями.

– Этот мальчик очарователен, хотя совсем не похож на отца... он словно нарисован сиреневым и синим... сиреневым и синим, – у него чудесный профиль... я начну обожать его имя... оно очень идет к нему...

А Юлий, отрезая ей кусочек торта, решал, в свою очередь...

– Если она станет моей мачехой, мы поладим... в ней есть какая-то разжигающая покорность... Жаль, что я влюблен в Христину...

– Не знаю, почему ты кажешься возбужденной в последнее время, Алина, – заметила Оскерко, – вернее, знаю, но не хочу говорить...

– О... тише.

– Нас никто не слышит.

Шемиот-отец прощался. Алина бросила на него умоляющий взгляд. Он сделал вид, что не заметил.

– А ты, Юлий?

– Я уйду с тобою, отец...

Вслед за Шемиотами разошлись и другие гости. Теперь была глубокая тишина и квартире. Попугайчики спали, закрытые атласным зеленым покрывалом.

Христина говорила с горечью:

– Вы все купаетесь и разврате... вас бьет чувственная лихорадка... У Шемиота любовница в доме, Клара ради него изменила жениху, и тот застрелился. Мисси Потоцкая оголяется ниже талии... К брату моему чуть ли не ежедневно бегают накрашенные девки. Скоро они разложатся по всем комнатам... Что ты знаешь о Шемиоте? Возможно, он болен... и потом он стар, суров и насмешлив... а любить можно только добрых и ясных людей... К чему все это? Ах, я так гордилась тобою, Алина... ты была так чиста, наивна, спокойна... Я думала (о, как я ошиблась), я думала, тебе будет достаточно моей любви, дорогая...

И на изумленный жест Алины она возразила, волнуясь и тоскуя:

– Я люблю тебя... я люблю тебя! Ты думаешь, я безумна? Нормально, ненормально... Ах, оставь... Может быть, ты справишься у врачей?... Что они знают, эти грязные животные? Для них все просто, ясно, на все приготовлено лекарство, режим, душ, диета... Природа же – великая обманщица... Разве у меня нет ребенка чересчур умного?... Откуда это?... Нелепость... случайность... Глупейшая история на курорте, нечто вроде кошмара... моя нерешительность, боязнь сделать аборт, в результате – мальчик... Вот тебе природа!..

Униженная и удрученная, Алина молчала.

Город горел огнями. Ночь была лунная, почти без звезд. Алина долго стояла у окна. Ей дарованы красота, здоровье, богатство, изящество мысли, и неужели со всем этим она не сумеет быть счастливой?

Плач Христины заставил ее испуганно оглянуться, Бросаясь перед ней на колени, Оскерко повторяла с отчаянием:

– Я люблю тебя... Я люблю тебя...

Несколько дней шел дождь. В саду нанесло много песка, испортило клумбы, размыло дорожки. Алину терзали муки стыда, раскаяния и досады. Особенно ей было неприятно вспоминать последнюю встречу с Христиной Оскерко. Подруга внушила ей страх и любопытство. Что случилось с этой веселой, рассудительной девушкой? Как она, Алина, раньше ничего не замечала? Неужели же это была

настоящая любовь: ревнивая, безрассудная и жестокая? Потом Алина решила, что у нее нет никаких поводов презирать Христину. Правда, она чувствует не так, как все... Но разве это вина?... Она совсем не хочет причинить подруге горе, отдаляясь от нее. Зачем? Они привыкли друг к другу.

Она лукаво улыбнулась, не желая признаться себе самой, что ей доставляет удовольствие – глубокое и странное – мучить Христину.

И позже она думала о том же:

– Если бы во мне, наряду с жаждой унижения и боли, не жило стремление унижать и причинять боль в свою очередь, я бы превратилась в нечто скользкое и липкое.

В тот же день Войцехова завела речь о лакее Шемиота – Яне Щуреке. Барин уезжал в имение, и Щурек остается без места на летнее время. Почему бы барышне не взять его к себе в садовники? Она всю расхвалила Щурека, пожилого, хитрого литовца, с лицом, изрытым оспой.

На самом деле хитрая Войцехова просто изменила тактику. Что же, если барышня выйдет замуж, придется ладить с барином.

Чуть порозовев, Алина выслушала старуху. Хорошо, можно взять Щурека на лето.

Потом она сложила свое вышивание и шелковый мешок на бронзовом треножнике и размечталась о Шемиоте. Желание увидеть его наполнило ее волнением и ликованием.

– Боже мой, он приглашал меня столько раз... Не сегодня-завтра Клара утащит его из города...

И она кончила тем, что переделалась и поехала к Шемиоту в восемь часов вечера.

К ней вышла Клара, бледная и официальная.

Она сказала тихо:

– Господин Шемиот не принимает. Алина поняла, что Шемиот, значит, не слышал звонка. Ей стало весело. Она тоже не протянула руки.

– О... меня он примет.

– Вы так уверены, мадемуазель?

– Конечно.

– Но я все-таки просила бы вас приехать завтра утром или передать мне...

Клара упорствовала, заслоняя дверь своими широкими бедрами и поднимая на нее умоляющие, измученные глаза.

В ту же минуту показался Шемиот.

– Ах...

И, целуя радостно руку Алины, пропуская ее вперед, он сказал через плечо:

– Распорядитесь подать нам кофе... фруктов..., кажется, у нас есть ликер...

Клара молча исчезла.

В кабинете Шемиота Алина несколько раз облегченно вздохнула. У него... С ним... Наконец-то...

Лампа под абажуром из белых бисерных нитей освещала только стол и букет темно-красных, почти черных роз. Их благоухание, тонкое, сладкое, нежное, проникало в душу Алины, Она взяла одну из них, и, полузакрывая глаза, медленно, кончиками губ обрывала лепесток за лепестком.

Последнее время она думала, что способна на одно сладострастие, Теперь она ощущала любовь, глубокую и ясную, Она изумлялась в душе, почему она представляла его себе только жестоким, грубым, властолюбивым, в страсти утонченно-требовательным. А между тем тем он сидит возле нее в двух шагах –

веселый, ласковый, добрый, и это так хорошо... Боже, как хорошо быть простой и здоровой...

- Вы не слушаете меня, дорогая?...

Он нежно взял ее за руку. Она тихонечко отняла.

- Простите меня... я рассеянна...

- Что такое?...

Алина покачала головой. Если бы признаться... но это невозможно.

- Почему вы перестали навещать меня, Алина?...

- Клара не любит меня...

- О, пустое...

Но она не верила и ревновала.

Шемиот сказал певуче:

- Я много думал о вас, Алина... вы немножко беспутная женщина. При большом ветре вы способны побежать к морю и протягивать к нему руки и петь, воображая себя Ундиной... в глубокую метель вы можете бродить по незнакомым улицам и считать себя одинокой и быть действительно одинокой в целом мире. Вы страстно влюбитесь в голос поющий за чужой изгородью, и проплачете ночь из-за артиста, который спускался по лестнице, надевая перчатку... Другой раз, не зная о том, вас сведет с ума епископ, служивший мессу, с лицом Христа. А потом вы исхудаете из-за того адмирала, который стоит у руля, и его плащ развеивается самым романтическим образом... Ах, Алина, вы очень забавны...

Клара принесла им кофе. Она даже надела фартучек, словно горничная. Вероятно, с таким же лицом она прислуживала и покойной жене Шемиота. Потом она ушла и затаилась в соседней комнате. Алина через стену чувствовала

ее присутствие.

Она сказала, отпивая кофе:

– Утром у меня была Христина. Ей очень тяжело...

Шемиот холодно пожал плечами.

– Христина Оскерко дурно устроила свою жизнь.

Алина пыталась защитить ее. Все состояние принадлежит брату, Витольду. Он кутит и много проигрывает. А Христина при нем в роли едва ли не экономки.

– Держитесь подальше от нее, – настаивал Шемиот, – ваша дружба безнравственна. Я это понял с первого взгляда. Христина внесет сумбур, сплетни, несчастье и сожаление. Пусть она кается на стороне. Где ее ребенок?

Властный тон Шемиота очаровал Алину. Она ответила несмело, глядя на его тонкую руку, которую утомлял огромный изумруд.

– Где ребенок Христины? Она отдала его в частный пансион.

Клара ходила за дверью. Шемиот мысленно улыбнулся. Заставить женщину объясниться в любви, когда другая женщина плачет за дверью, – вовсе не так уже плоско.

– Почему вы не выходите замуж Алина?

Она засмеялась и смеялась долго, чтобы скрыть волнение.

– Но... разве вы?... Святая Мария!.. Если бы вы захотели жену...

Он чуть-чуть поклонился:

– Я знаю, вы очень расположены ко мне, Алина. Но я не гожусь для роли мужа... Я вас так понял?

Она не упала в обморок, а проговорила чужим голосом:

- Вы меня поняли. Я люблю вас, Генрих...

- Вы мне льстите... Я стар... из этого ничего не выйдет...

- Никогда?

Он позабавился ее отчаянием:

- Я не знаю.

И, после паузы:

- Я отказался от чести быть вашим мужем, Алина, но это еще не значит, что вы мне не дороги...

Каким-то чудом она не заплакала. Она прошептала:

- Ну, мне пора уходить...

- Я скоро уезжаю в имение. Мы еще увидимся?

- Да.

Стоя совсем близко, он заглянул ей в глаза, По ней прошел знакомый, глухой трепет.

- Благодарю вас за сегодняшний вечер, Алина. Возле самых дверей кабинета Клара оставалась в позе оцепенения. Увидев ее, Алина невольно вздрогнула. Обе женщины слегка поклонились друг другу.

Когда Алина ушла, Шемиот посмотрел на часы. Было четверть первого.

- Боже мой, - пробормотал он, крайне недовольный.

Кофе, фрукты, запах роз, ликера и духов Алины раздражали его. Обычно он курил очень мало. Теперь, нервничая, он наполнил пепельницу папиросами. В это время он уже бывает в постели, освеженный умыванием, переменяв белье, и спокойно читает или обдумывает прошедший день. А сегодня он потерял столько времени из-за этой девушки, мечтательной и эксцентричной. Не зашел ли он далеко? Как подобные волнения отразятся на его здоровье? И в конце концов, к чему все это? Менее всего он склонен жениться. Это хлопотно и скучно. Десять лет тому назад ему казалось заманчивым победить каждую женщину, бросить ее перед собой на колени... Теперь его больше тешит посеять собственные вкусы и желания на благодатной почве, Алина для него – хорошо вспаханное поле... он бросает туда семена и ждет всходов.

Клара вошла убрать со стола. Она не позволяла лакею мешать Шемиоту.

Шемиот внимательно посмотрел на нее.

Как у всех нервных людей, ее внешность мгновенно менялась. Сейчас, после визита Алины, который для нее тянулся вечность, после нескольких часов нестерпимых страданий, ревности и отчаяния, Клара постарела. Она согнулась, смотрела мутным, бесконечно усталым взглядом.

В первый раз за последние годы в Шемиоте вспыхнуло сострадание, пылкое и стремительное:

– Милая, ты устала?

Изумленная, она подняла голову. Как давно он не называл ее на «ты».

– Совсем немного...

Он подошел ближе, улыбнулся, обнял ее с живостью и грацией.

На секунду перед ним мелькнуло ее прежнее лицо розовое, свежее, с доверчивыми кроткими глазами, с зубами белыми, как сама белизна. Она была перед ним такая, какой двадцать лет тому назад пришла отдать ему честь, деньги, семью, жениха, все, что имела, – ради унижительного и двусмысленного положения при его жене. Он вспомнил также то жуткое, странное и жестокое,

чему он подвергал ее, когда хотел, и чему она покорялась в немом ужасе, с тайным сладострастием, отчаянием и стыдом. Она была больше чем любовница и больше чем раба. Она была его эхом и вещью. Теперь она должна смотреть, как он любит других женщин и любит их в свою очередь.

Его сердце сжалось.

– Ты устала, Клара... конечно, ты устала... извини меня... Она продолжала смотреть на него скорее испуганно, чем благодарно. Какое еще новое мучение он готовит ей? Она по опыту знала, что он становился особенно мягким, ласковым, предупредительным перед тем, как причинить ей боль.

– Тебя беспокоит Алина?... Она нетактична и болтлива... Уверяю тебя, я даже не нахожу ее достаточно умной.

Клара покачала головой. Она выдавила из себя глухие слова, убирая кофе:

– Девочка очень мила.

– Нет, нет... не будь снисходительна... Обожди, мы скоро уедем на дачу и избавимся от непрошенных визитов...

– Как хочешь...

Он снял и бросил воротничок, манжеты. Запонки покатались на пол. Клара подняла их.

Он улыбался доброй и просительной улыбкой и казался совсем юным со своими пышными золотистыми волосами, крупными губами, черными, гордыми глазами.

Клира вышла и вернулась... У нее слегка кружилась голова... Неужели он до сих пор любит ее?... Ведь когда-то он клялся жениться на ней. Неужели же?... И она уже страдала за Алину.

Шемиот не ушел в спальню, а прилег на диван и подозвал Клару. Обнимая ее, он спрашивал растроганным голосом... Что у нее болит?... Почему она не бережет своего здоровья?... Почему она так грустна?...

Тогда она заплакала, отвечая шепотом, ибо от слабости и волнения у нее не хватало голоса:

– У меня везде болит... грудь, поясница, внизу живота... между лопатками... в пищеводе... Я чувствую, как я задыхаюсь, и этот пот... ты ведь знаешь мое тело?... я всегда была сухая и горячая... теперь я мокрая и холодная, как лягушка... я не сплю и не ем. Я боюсь умереть, Генрих.

Он страстно обнял ее, словно был влюблен в нее без памяти, целовал ее волосы, лицо, руки, утешал, успокаивал, обещал, клялся, покуда она не начала тихо смеяться, просветленная, счастливая, почти здоровая. Тогда он ощутил мертвящую пустоту, глубокое утомление... Проникся мыслью об Алине и равнодушно отослал спать Клару.

Третья глава

Шемиот уехал в имение, ни единым словом не предупредив Алину, даже не простившись с нею по телефону. Алина узнала эту новость от лакея Щурека, который перевез свой синий сундук и теперь исполнял здесь должность садовника. Алина была смертельно оскорблена. Наплакавшись вдоволь, она утешила себя мыслью: «Мужчину всегда пугает сближение с женщиной, И потом эта Клара!.. Она восстанавливает его против меня, А быть может, он мучает меня умышленно?»

Однако она продолжала не спать, томиться, страдала от зноя, мучила всех в доме своей резкостью. Ежедневно сюда являлась Христина.

Алина как-то вспомнила о ее ребенке, который, несмотря на лето, оставался в пансионе. Экономка взялась следить за ним. Бруно целыми днями бродит один по пустым классам и только за обедом, завтраком видит людей. Она представила его круглую головку с каштановыми редкими волосами, серьезные голубые глаза, пухлый ротик. И, содрогаясь от сострадания, упросила Христину привезти к ней Бруно. Увидев его, Алина удивилась. Снова у него был старенький костюмчик, плохо обутые ножки, прошлогодняя шляпа. А между тем еще совсем недавно Алина передала Оскерко довольно солидную сумму, она

всегда заботилась об этом несчастном ребенке. Каждый раз при встрече с ним она обходила подряд несколько магазинов, и в те дни ей до самого вечера приносили пакеты и коробки.

Сегодня она рассердилась на Христину:

– Куда ты выбросила деньги?

– Я? Но я заплатила за свое коричневое платье... то, что с голубым жилетом... оно всем нравится...

– О, это гадко... ты дурная мать, Христина.

– Бруно еще мал для нарядов...

И так как Алина занялась мальчиком, Христина кидала вокруг себя мрачные, полные зависти и тоски взгляды. Почему Алина не возьмет его к себе? Что было бы проще, как не жить вместе в этом чудесном, уединенном особняке, среди изящной старинной мебели? О, вместе на этой широкой сладострастной кровати, задернув ее шелковые, лунного цвета занавески. Она бы целовала маленькие ступни ног Алины и линию спины, изогнутую и волнующую, и длинные ароматные волосы, всю ее, всю...

Христина почти задыхалась. Она встала и неожиданно для самой себя очутилась в комнате Войцеховой. Старая служанка в черном платье, но без чепчика бормотала молитву. Они очень приветливо поздоровались.

– Ну, как дела, Войцехова?

Войцехова недовольно пожевала губами. Осторожно она намекнула, что барышня изменилась к худшему. По хозяйству ненужные траты и упущения. Щурек оказался вором, однако барышня не гонит его, ибо негодяй умеет рассказывать о порядках в доме господина Шемиота.

Христина раздраженно вспыхнула.

– Господин Шемиот – безнравственный человек, – сказала она ледяным тоном, – я не о таком муже мечтала для Алины.

Служанку прорвало:

– О да, барышня ох как попрыгает, когда выйдет замуж за Шемиота... небось, та гувернантка по три дня ходит с мокрыми глазами... Сердце Иисуса, смилуйся над нами!.. Все горе еще и оттого, что барышня неверующая...

И они долго еще сплетничали, терзаемые тревогой и завистью.

Наконец Войцехова проговорила льстиво:

– И почему бы нашей барышне не выйти замуж за пана Витольда? Человек молодой, богатый. Это была бы стоящая партия... Люди заткнули бы свои глотки.

Христина слушала ее, оглушенная. Какая мысль!.. Если бы Алина вышла за Витольда, они бы породнились... вполне естественно, что Христина тогда переедет сюда... И маленький Бруно... и все будет хорошо.

Она под села к служанке, и они продолжали шептаться, как две заговорщицы.

В комнатах маленький Бруно тихонечко и с удовольствием рассматривал картинки.

Апине стало скучно. Чувствуя себя чужой и собственном доме, уставшая от Христины и бесплодной печали последних дней, она спустилась в сад.

Был полдень. Бледная лазурь казалась раскаленной. На кустах розы цвели вторично: белые, желтые, пурпурные и розовые. Пчелы ползали по ним, как тяжелые капли золотого меда. Белые розы казались сделанными из белого шелка, неживыми, сверкающе-прекрасными и возбуждали сладострастное желание бури, уничтожения, гниения, смерти. Они пили летнее солнце, ароматы, ветер и синеву неба своими детскими, целомудренными устами. Желтые розы, по краям розоватые, словно залитые отблеском зари или заката, теплые, нежные, чувственные и покорные. Бенгальские розы, розы Франции и те, пурпурно-черные махровые, сладкие, как мускат, вызвали в Алине жест

восхищения. Розовые розы были круглы, тяжелы, словно зрелые, сочные плоды; густой аромат их, смесь вина, сахара, ванили, осаждался на губах, подобно соленому ветру моря.

В конце аллеи она села на каменную скамью, оглядываясь кругом пьяными глазами. Не была ли любовь соткана из ароматов, солнечных лучей, медленного сладострастия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mar_anna/zhenschina-na-kreste

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)